

Всеволод Сергеевич Соловьев

Приключение на даче
(Проза)

Всеволод Соловьев так и остался в тени своих более знаменитых отца (историка С. М. Соловьева) и младшего брата (философа и поэта Владимира Соловьева). Но скромное место исторического беллетриста в истории русской литературы за ним, безусловно, сохранится.

Помимо исторических романов представляют интерес воспоминания

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0012
III.....	.0016
IV.....	.0022
V.....	.0031
VI.....	.0035
VII.....	.0039

Вс. С. СОЛОВЬЕВЪ
ПРИКЛЮЧЕНІЕ НА ДАЧѢ
(Лѣтній разсказъ)

Когда Анна Павловна семнадцатилѣтней дѣвушкой гуляла передъ обѣдомъ со своей маманъ въ Лѣтнемъ Саду, или по Большой Морской, встрѣчные молодые и старые люди провожали ее долгимъ и восхищеннымъ взглядомъ.

На вечерахъ и въ театрѣ даже самыя строгія дамы, имѣющія собственныхъ дочерей, невольно заглядывались на нее и одобрительно шептали: «est elle charmante cette petite!..»

Когда Анна Павловна на девятнадцатомъ году вышла замужъ за молодцеватаго полковника Корнилова и гуляла уже съ нимъ подъ руку, вѣчно свѣжая и цвѣтущая, изящно, со вкусомъ одѣтая, къ лицу причесанная, раздающая своимъ знакомымъ самыя милыя и привѣтливыя улыбки, всѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что она ужасно похорошѣла, и что полковникъ Корниловъ долженъ считать себя счастливымъ человекомъ.

Когда Анна Павловна на двадцать третьемъ году овдовѣла и показалась послѣ двухъ

мѣсяцевъ непритворной скорби, вся въ черномъ, съ немного поблѣднѣвшимъ лицомъ и легкой тѣнью подъ большими свѣтлыми глазами — никто не могъ сомнѣваться, что такой прелестной и соблазнительной вдовушки трудно сыскать во всемъ Петербургѣ.

Конечно въ первую зиму никто не рѣшался за нею серьезно ухаживать — тѣнь полковника стояла передъ ней во всеоружіи и защищала ее отъ влюбленныхъ искателей. Но прошелъ еще годъ — и эта угрожающая тѣнь исчезла. Анна Павловна оказалась неизмѣнно окруженной цѣлымъ штабомъ не только молодыхъ, но даже и людей солидныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Она со всѣми была мила, ласкова, любезна, но и только. Ни одинъ темный слухъ, ни одна двусмысленная сплетня не смѣли коснуться ея репутаціи. Она смѣялась надъ страстными признаніями въ любви, она отвѣчала «нѣтъ» на всѣ предложенія руки и сердца. Рѣшили, что Анна Павловна намѣревается сдѣлать какую-нибудь очень блестящую партію, высматриваетъ высокопоставленнаго пожилого челоуѣка. Однако, на этомъ не покончили. Ни

какъ не могли рѣшиться оставить ее въ покоѣ и надѣдали ей порядочно.

Къ лѣту она почувствовала себя очень уставшей, ей захотѣлось отдохнуть отъ знакомыхъ, пожить въ полномъ уединеніи. У нея была своя дача недалеко отъ одной изъ станцій Николаевской желѣзной дороги. Никому не сказавшись и почти ни съ кѣмъ не простясь, она переѣхала туда въ началѣ мая.

При ней была ся неизмѣнная компаньонка, очень приличная старая дѣва, Настасья Ивановна. Изъ прислуги Анна Павловна взяла съ собою только горничную, такъ какъ на дачѣ постоянно жилъ садовникъ, исполнявшій должность и кучера и лакея, а жена, его готовила «за повара».

Станція была въ двухъ шагахъ, кругомъ нѣсколько дачъ, тутъ же неподалеку село и, конечно, Аннѣ Павловнѣ не могло и въ голову прійти чего-либо бояться. Но у Настасіи Ивановны на этотъ счетъ было свое мнѣніе. Она всю жизнь свою зачитывалась всевозможными романами, а къ сорока годамъ остановилась исключительно на страшныхъ, кишащихъ убійствами, грабежами и самыми

невѣроятными преступленіями. Трудно даже было представить себѣ откуда она добываетъ такіе удивительные романы; но у нея всегда хранилось ихъ болѣе дюжины. Она читала ихъ съ наслажденіемъ и простодушно вѣрила самымъ нелѣпымъ приключеніямъ. Съ перваго же дня по переѣздѣ на дачу она стала испытывать припадки мучительнаго страха. Ей казалось, что въ концѣ концовъ ихъ здѣсь непременно ограбятъ, а можетъ быть даже и зарѣжутъ. Анна Павловна сначала смѣялась надъ нею, но страхъ заразителенъ — и она сама начала иной разъ, особенно по вечерамъ, побаиваться.

Какъ-то въ концѣ іюня, Настасья Ивановна вышла на балконъ, гдѣ хозяйка расположилась съ какой-то работой. Лицо старой дѣвы выражало необыкновенное волненіе.

— Что съ вами? — невольно улыбаясь спросила Анна Павловна.

— Да помилуйте, — тревожно проговорила компаньонка, — я сейчасъ узнала, что вы отпустили Никиту на два дня въ городъ. Какъ же это мы однѣ будемъ ночевать?

— Да вѣдь не однѣ же мы — а кухарка, а

горничная?

— Господи! что же могут сдѣлать женщины въ случаѣ нападенія.

— А вы ночныхъ нападеній боитесь?..

— Ещо бы не бояться, — раздражительно отвѣтила Настасія Ивановна. — Здѣсь всего нужно бояться, всего! Въ домѣ однѣ женщины — мало ли что могутъ съ нами сдѣлать...

Анна Павловна улыбнулась, взглянувъ на компаньонку и невольно подумала: «что съ ней — то ужъ врядъ ли сдѣлаютъ что нибудь ужасное». Дѣйствительно, бѣдная Настасія Ивановна была суха какъ щепка, угловата, съ рѣзкими чертами лица и весьма явнымъ, плотнымъ слоемъ пудры на дряблыхъ щекахъ.

— Успокойтесь, успокойтесь, не кому на васъ нападать, — проговорила Анна Павловна, справившись со своей улыбкой. — И к тому же здѣсь всѣ отлично знаютъ, что у Никиты непомѣрна; сила...

— Конечно, но вѣдь вы его отпустили на два днѣ... и кому нужно это знать, тотъ навѣрное это уже и знаетъ... Вы говорите некому!.. Помилуйте... а вспомните-ка нища-

го, котораго мы вчера встрѣтили въ рощё. Вѣдь онъ и вамъ показался подозрительнымъ, помните, какъ онъ смотрѣлъ на васъ...

— Ахъ, вздоръ какой! нищій какъ нищій...

— Ну, а шарманщикъ? — не унималась Настасія Ивановна. — Зачѣмъ онъ битый часъ стоялъ у порога и заглядывалъ въ садъ?..

— Да вѣдь онъ каждый день приходитъ и стоитъ пока ему не вынесутъ чего-нибудь...

— Наконецъ, я, знаете, что вамъ скажу... съ нѣкотораго времени я не совсѣмъ довѣряю Никитѣ... мнѣ кажется, что и на него намъ все не слѣдуетъ такъ полагаться... право... Богъ ихъ знаетъ, этихъ людей...

— Что съ вами, Настасія Ивановна! вы подозрѣваете Никиту!.. Это ужъ просто глупо!

Компаньонка сдѣлала кислую мину и замолчала.

Анна Павловна замѣтила это.

— Вотъ вы и сердитесь, — сказала она, — я право не хотѣла насъ обидѣть; но дѣло въ томъ, что съ вашими подозрѣніями и страхами вы и на меня неволью страхъ наводите... Но согласитесь же, что все это только фантазіи.

— Хорошо! пусть и нищій, и шарманщикъ,

и Никита — фантазіи... но вѣдь не фантазія же, наконецъ, слѣды человѣческихъ ногъ, которые мы сегодня видѣли утромъ въ саду, подъ нашими окнами...

— Ну, ужъ лучше замолчите, Настасія Ивановна! Эти слѣды... да это ваши же собственные слѣды, когда вы вчера прогуливались и мечтали, глядя на луну, вѣдь ваши туфли какъ разъ подходятъ къ слѣду...

— Не знаю какъ это мѣряли!.. Правда, что я вчера вечеромъ немного прошлась по саду, но что слѣды эти не мои — даю намъ слово... слава Богу у меня не такая громадная нога!.. Да и кто же мѣрилъ? Тотъ же Никита...

— Вы опять за Никиту!..

— Ну, я молчу, я молчу, только ради Бога будемте осторожнѣе сегодня ночью... Право я не знаю, какъ и засну... Какъ подумаю — просто дрожу отъ страха... Только и слышишь что о разбойникахъ и грабителяхъ, вся жизнь наполнена ужасами... И эти люди... да развѣ отъ нихъ можно уберечься?!. они проникаютъ всюду, черезъ окно, черезъ печную трубу; они появляются во всевозможныхъ видахъ... помните мы недавно читали въ «Го-

лось»: вора нашли подъ кроватью и на немъ
быль фракъ и бѣлый галстукъ, и самая при-
личная, красивая наружность.

II.

Въ это время у дверей показалась горничная и такъ неожиданно, что Настасія Ивановна и Анна Павловна вскрикнули и поблѣднѣли.

— Господинъ Рачинскій спрашиваетъ, можете ли вы принять это, сударыня? — объявила горничная.

— А! — перевела духъ Анна Павловна. — Проси, проси его сюда, на балконъ.

Горничная вышла.

— Послушайте, Анна Павловна, вы хорошо знаете этого господина Рачинскаго? — съ безпокойствомъ спросила Настасія Ивановна.

— Очень хорошо его знаю... то есть часто встрѣчала его зимою у знакомыхъ... да развѣ вы не помните — онъ и у меня былъ нѣсколько разъ...

— И вы въ немъ совершенно увѣрены?

— Господи, какія глупости! Онъ богатый человекъ, хорошаго круга и вообще очень милый.

— Все это ровно ничего не значитъ. Читали вы «Comte Nozace» Александра Дюма?

Помните, этотъ графъ былъ принятъ зъ само-
мъ лучшимъ обществомъ, а въ концѣ концовъ
все же оказался начальникомъ шайки банди-
товъ... Но если господинъ Рачинскій вашъ
хорошій знакомый, такъ значитъ это небо на-
мъ его посылаетъ.

Рачинскій показался на порогъ. Онъ былъ
еще молодъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ,
наружность вполнѣ приличная, хотя и незна-
чительная. Онъ всю зиму упорно ухаживалъ
за Анной Павловной, но, какъ и всѣ,
безуспѣшно. Онъ выѣхалъ на одну изъ бли-
жайшихъ станцій и не вытерпѣлъ, чтобы не
заглянуть къ прелестной вдовушкѣ.

Во время обычныхъ привѣтствій и перваго
вступленія въ разговоръ, Настасія Ивановна
тщательно изучала гостя. Эти наблюденія
оказались въ его пользу и она рѣшилась во
что бы то ни стало упросить Анну Павловну
оставить его ночевать и вообще не выпускать
до возвращенія Никиты.

Она даже успѣла незамѣтно шепнуть объ
этомъ Аннѣ Павловнѣ.

— Да развѣ это возможно? — замѣтила та.

— Ничего нѣтъ легче — все можетъ устро-

иться какъ бы случайно. Оставьте его объдать. Мы засидимся за кофе, потомъ отправимся гулять и не замѣтимъ какъ уйдетъ послѣдній поѣздъ... Ну, и въ поневолю должны будете предложить ему остаться ночевать...

Конечно, тутъ не было ровно ничего неприличнаго и невозможнаго, и Анна Павловна хотя и храбрилась днемъ, но и сама не безъ трепета помышляла о ночи. Она рѣшилась послѣдовать совѣту Настасіи Ивановны.

Между тѣмъ Рачинскій, внимательно разсматривая альбомы, все же не могъ не замѣтить этихъ таинственныхъ перешептываній. «Ужъ не рассказываетъ ли она этой старой вѣдьмѣ нѣкоторые эпизоды изъ моего ухаживанья», подумалъ онъ. «Быть можетъ лѣтняя природа и эта деревенская обстановка Повысили мое шансы... Хорошо бы это было! она, право, кажется, опять похорошѣла... и ужъ если тутъ дѣйствительная строгость нравовъ... такъ вѣдь что же... я съ величайшимъ бы удовольствіемъ и женился на ней... пора, дав-

но чувствую, что пора жениться»...

III.

Хозяйка была необыкновенно любезна. Она показала Рачинскому свой садъ, цвѣты, огородъ. Потомъ повела его въ рощу, спустилась съ нимъ къ берегу рѣчки «на свое любимое мѣсто», какъ она увѣряла. Она восхищалась природой, каждымъ цвѣткомъ, каждымъ кустикомъ и заставляла и его восхищаться, хоть онъ вовсе не былъ любителемъ цвѣтовъ и кустиковъ.

Наконецъ, Анна Павловна устала и очень мило оперлась на его руку, и глядѣла на него съ такой прелестной, кокетливой минной, что онъ чувствовалъ себя весьма довольнымъ.

— Вы конечно отобѣдаете со мной? — сказала она.

— Я рассчитываю пробыть у васъ никакъ не больше получаса, но у меня не хватаетъ силъ отказаться отъ вашего милаго приглашенія...

— Еще бы вы отказались!..

И она повела его назадъ въ домъ, въ столовую, гдѣ Настасія Ивановна уже приготовляла

отличную ботвинью.

Сели за столъ.

Рачинскій думаль: «Если бы Анна Павловна въ Петербургъ была бы хоть въ половину такъ мила со мною, я давно бы почель себя счастливѣйшимъ человѣкомъ! Что же значить эта неожиданная внезапная переменна. Какъ она глядитъ! Какъ она глядитъ! Нѣтъ, это не просто любезность хозяйки. Какой это добрый геній надоумилъ меня сегодня сюда заѣхать?..

— О чемъ это вы задумались? — спросила Анна Павловна,

— Я завидую вашему счастью... У васъ самая прелестная дача въ мірѣ, и все, что я здѣсь вижу, заставляеть меня убѣждаться, что идеаль Руссо былъ истиннымъ идеаломъ.

— Сколько помнится, съ тѣхъ поръ какъ я васъ знаю, вы не разу еще не вздыхали по деревнѣ, и у васъ всѣ привычки петербургскаго жителя, — замѣтила Анна Павловна.

— Вотъ я за это и былъ наказанъ, — сказалъ Рачинскій, — я теперь ненавижу Петербургъ, и вы знаете, имѣю ли я на это право... И искренно полюбилъ деревню... „la compagne

m'est beaucoup plus favorable que la ville“.

Анна Павловна слегка покраснѣла и сдѣлала маленькую гримаску. Однако Рачинскій подмѣтилъ нѣчто ободряющее и въ этомъ румянцѣ и въ этой гримаскѣ.

— Позвольте я вамъ налью краснаго вина, — любезно обратилась къ нему Настасія Ивановна и постаралась налить стаканъ какъ можно полнѣе.

Дѣло въ томъ, что она по нѣкоторымъ, одной ей извѣстнымъ признакамъ, заподозрила храбрость Рачинскаго; къ тому же онъ не казался ей очень сильнымъ. Она подумала, что его непременно нужно немного возбудить для того, чтобы въ случаѣ нападенія, онъ могъ представить изъ себя надежнаго защитника. И вотъ она собственноручно наливала ему уже четвертый стаканъ и при этомъ необыкновенно любезно ему улыбалась.

„Нѣтъ она не старая вѣдьма, — подумалъ Рачинскій, — она очевидно за меня и можетъ быть даже какъ-нибудь поможетъ моимъ завоевательнымъ планамъ... иной разъ эти сантиментальныя старыя дѣвы — просто находка“!..

— Вамъ нравится эта дача! — заговорила Настасія Ивановну — и вы совершенно правы и дѣйствительно, здѣсь просто рай земной... особенно по ночамъ...

— По ночамъ? — спросилъ нѣсколько озадаченный Рачинскій. — Отчего же именно по ночамъ?

Настасія Ивановна замялась.

— Да потому что въ нашей роцѣ удивительно поютъ соловьи, — наконецъ нашлась она.

— О Шиллеръ! — чуть было громко не вскрикнулъ Рачинскій.

„Богъ ихъ знаетъ, что у нихъ тутъ такое! — подумалъ онъ, — мнѣ во всякомъ случаѣ пора и честь знать, не то пропущу послѣдній поѣздъ“.

Онъ взглянулъ на столовые часы и съ удивленіемъ замѣтилъ, что еще очень рано. Справляться же со своими часами ему казалось не совсѣмъ приличнымъ, тѣмъ болѣе, что Анна Павловна въ это время глядѣла на него очень ласково.

Однако онъ все же рѣшилъ проститься.

Но обѣ дамы наотрѣзъ отказались его вы-

пустить, онъ объявили, что ему остался еще часъ до отхода поѣзда, а станція всего въ пяти минутахъ ходьбы.

„Меня хотятъ удержать, — это ясно, — подумалъ Рачинскій, — я даже почти увѣренъ, что онъ перевели часы. Но чего же имъ отъ меня нужно?.. ничего не понимаю?!

И онъ снова сѣлъ на свое мѣсто. Анна Павловна очевидно старалась заговорить его. Она перебирала все — и общихъ знакомыхъ, и журнальныя новости, а подъ конецъ даже вдавалась въ длинныя разсужденія по поводу Россини и Мейербера... И говорила, говорила, и такъ говорила, что перебить ее оказалось невозможнымъ.

Наконецъ, она созналась, что теперь пора на станцію и вызвалась проводить Рачинскаго. Настасія Ивановна желала тоже прогуляться. Но такъ какъ садится роса и становится сыро — они должны потеплѣе одѣться. Онъ сейчасъ, сейчасъ будутъ готовы. М-г Рачинскому не долго придется прождать ихъ и онъ никакимъ образомъ не опоздаетъ на поѣздъ.

И вотъ онъ одинъ въ столовой. Онъ взглянулъ на часы и убѣдился, что его

предположеніе было справедливо — стрѣлка столовыхъ часовъ отставала на цѣлый часъ. Онъ ждетъ, ждетъ, наконецъ дамы возвращаются въ шляпахъ и накидкахъ. И въ эту самую минуту изъ растворенныхъ оконъ слышится свистъ уходящаго послѣдняго поѣзда.

— „Я такъ и зналъ, что онъ перевели часы“ — говорилъ про себя Рачинскій.

Аннѣ Павловнѣ остается только предложить ему переночевать у нея въ домѣ, что она и дѣлаетъ очень любезно.

IV.

Комната, назначенная для Рачинскаго, была рядомъ съ маленькой гостиной, выходящей на балконъ. Любезная хозяйка съ необыкновенной предупредительностью озаботилась комфортомъ своего гостя и съ перваго же взгляда онъ убѣдился, что ему здѣсь будетъ отлично. Онъ закурилъ сигару, подсѣлъ къ открытому окошку и сталъ размышлять о своемъ положеніи.

«Никогда не случалось со мной ничего подобнаго, — думалъ онъ, — что здѣсь былъ разговоръ, въ этомъ для меня нѣтъ сомнѣнія: перевели часы, полчаса собирались провожать меня — все это что-нибудь да значить... Но зачѣмъ же я имъ? Къ чему эта комедія?... Если хотѣли только надо мною посмѣяться, такъ вѣдь подобная насмѣшка вовсе не зла и не остроумна... А между тѣмъ очевидно, что тутъ какіе-то планы... Я всю зиму ухаживалъ за Анной Павловной и, долженъ сознаться, совсѣмъ неудачно, но быть можетъ она теперь пожелала нѣсколько иначе взглянуть на меня? Какъ знать? Женщины такъ капризны

и неожиданны... да и къ тому же лѣто, скука, одиночество... Я вовсе не желаю сыграть роль графа Нулина; но съ другой стороны было бы еще глупѣе не сумѣть воспользоваться случаемъ, который представляется при такихъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ».

Тутъ Рачинскій припомнилъ всѣ любовныя приключенія, какія только зналъ, и эти-мъ еще больше подогрѣлъ свою фантазію.

Да и къ чему же, къ чему же бы это Настасія Ивановна заставляла меня пить за обѣдомъ! И потомъ это восхваленіе здѣшнихъ ночныхъ прелестей... и соловьи, и перемигиванія, перешептыванія... Не могу же я оставить все это безъ вниманія. Почему я знаю, можетъ быть ужъ какое-нибудь окошко отворено, можетъ быть какая-нибудь дверь таинственно полуоткрыта... Можетъ быть... И вѣдь не могу же, не могу же я уѣхать завтра какъ болванъ... я долженъ по крайней мѣрѣ сдѣлать рекогносцировку вокругъ дома, а въ случаѣ чего-нибудь могу всегда вывернуться и сказать, что вышелъ въ садъ выкурить сигару...

Рачинскій осторожно отворилъ двери и на

цыпочкахъ вышелъ въ гостиную. У него невольно замирало сердце отъ волненія и нѣкоторой надежды. Онъ собирался уже пройти къ балкону и только боялся зацѣпить въ потемкахъ за какой-нибудь стулъ, какъ вдругъ надъ самымъ его ухомъ раздался голосъ:

— Боже мой, это вы?!

— Да, это я, — смущенно отвѣтилъ Рачинскій.

Чья-то рука крѣпко схватила его руку.

— Да вы-то кто же? — спросилъ онъ.

— Я, я... Настасія Ивановна, — прошепталъ голосъ.

— Чортъ возьми! — подумалъ Рачинскій, — на нее — то я ужъ никакъ не рассчитывалъ.

И вдругъ ему въ голову пришла ужасная мысль: онъ началъ бояться, не имѣлъ ли онъ несчастья возбудить къ себѣ въ старой дѣвѣ внезапную страсть — въ такомъ случаѣ вѣдь сразу объяснялись всѣ странности ея поведенія и за обѣдомъ, и за весь вечеръ.

— Извините, — началъ онъ заикаясь, — я думалъ немного пройтись по саду... но теперь

сейчасъ же вернусь въ свою комнату.

— М-г Рачинскій, — трагическимъ тономъ воскликнула Настасія Ивановна, — что вы можете обо мнѣ подумать, встрѣтивъ меня ночью у вашей двери...

Рачинскій началъ раздражаться и даже сердился.

— Клянусь вамъ, — насмѣшливо отвѣтилъ онъ, — что я объ васъ ровно ничего дурного не подумаю... вѣдь я имѣлъ уже случай убѣдиться въ поэтичности вашей натуры и меня нисколько не удивляетъ, что вы избирате для своихъ прогулокъ именно тотъ часъ, когда поютъ соловьи и порхаютъ эльфы и сильфы.

— Ахъ Боже мой! — протянула Настасія Ивановна, — ваши насмѣшки ужасны; но если бы вы знали истинную правду.

«Она сейчасъ мнѣ объяснится въ любви!» — съ отчаяніемъ подумалъ Рачинскій.

— Я ничего не хочу знать, поспѣшилъ онъ прервать ее, я не хочу проникать въ тайники поэтической души вашей...

— Но теперь, вы ужъ должны меня выслушать!

— Господи! право это не нужно!.. къ чему же это!..

— А моя честь? — произнесла Настасія Ивановна съ достоинствомъ оскорбленной невинности.

— Ваша честь!.. но право я не понимаю, чѣмъ же она тутъ задѣта...

— Однако я должна же объяснить вамъ причину моего присутствія здѣсь и въ такое время... Я ушла изъ своей комнаты отъ страху... я не въ силахъ была одна оставаться.

— Чего же вы такъ испугались? — спросилъ Рачинскій.

— Помилуйте — наша дача такъ далеко отъ всякаго жилья... всѣ знаютъ, что Анна Павловна богата, и долго ли забраться сюда разнымъ ворами и грабителями... Съ нѣкотораго времени около нашего забора стали показываться какіе-то очень подозрительные молодые люди... вчера замѣтили подъ окномъ слѣды человѣческихъ ногъ... нашъ садовникъ, единственный мужчина въ домѣ, отправился сегодня въ городъ... мы однѣ, мы съ Анной Павловной умираемъ отъ страха... и вотъ я рѣшилась переночевать здѣсь на ма-

ленькомъ диванъ, у самой вашей двери... что-
объ, если что-нибудь случится...

— Понимаю, — перебилъ Рачинскій, кото-
рому все начинало становиться ясно, — я,
значить, исправляю здѣсь должность садов-
ника, или вѣрнѣе, ночного сторожа...

«Ну — да, теперь все объясняется, — ду-
малъ онъ, — и часы, и подливаніе вина за
обѣдомъ... Эта старая дура хотѣла возбудить
во мнѣ храбрость на случай ночного
нападенія...»

Такое неожиданное открытіе, послѣ всѣхъ
его мечтаній и надеждъ, задѣло Рачинскаго за
живое и порядкомъ взбѣсило. Ему хотѣлось
хорошенько отплатить за себя и проучить
старую трусиху.

— Однако, я долженъ замѣтить вамъ, суда-
рыня, — послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ
онъ, — что вы и Анна Павловна очень неосто-
рожны.

— Какъ неосторожны? — удивленно вос-
кликнула Настасія Ивановна, — я васъ не по-
нимаю.

— Да такъ, что вы меня совсѣмъ не знае-
те, — отвѣчалъ онъ.

— Дѣйствительно, я сегодня кажется въ первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть... по вѣдь Анна Павловна...

— Анна Павловна встрѣчала меня въ обществѣ... я былъ у нея нѣсколько разъ, но это ровно ничего не значить — она меня знаетъ не больше вашего.

— Ахъ Боже мой, прошептала старая дѣва замирающимъ голосамъ, но вѣдь мнѣ кажется, не трудно сразу узнать порядочнаго человѣка... ваша внѣшность... ваши манеры... сейчасъ видно свѣтскаго человѣка...

— Въ свѣтъ встрѣчаются всякіе люди, — замѣтилъ Рачинскій такимъ таинственнымъ голосомъ, что у бѣдной Настасіи Ивановны забѣгали мурашки по кожѣ.

— Господи, да кто же вы? — простонала она.

— Кто я? — началъ Рачинскій, окончательно увѣрившійся, что передъ этой госпожей можно съ полнымъ успѣхомъ разыграть какую угодно сцену изъ самой нелѣпой мелодрамы. — Кто я?.. я тотъ, кого именно вамъ не слѣдовало такъ заманивать и хитростью оставлять на ночь въ этомъ домѣ.

— Милостивый государь, объяснитесь, что это значатъ ваши таинственные слова... вы меня пугаете...

— И вы не догадываетесь?

— Я... нѣтъ не догадываюсь... Боже мой, да что же это такое?!

— Слѣды человѣческихъ ногъ, которые вы видѣли вчера подъ окнами — мои.

— Карауль! — отчаянно вскрикнула Настасія Ивановна.

— Ни звука — или вы погибли! — проговорилъ Рачинскій, стискивая ей руку.

Она такъ и присѣла на полъ.

— Ну, нечего терять время въ пустой болтовнѣ! — продолжалъ онъ, — теперь ночи коротки, а я вовсе не желаю, чтобы меня поймали... Но неужели вы такъ и не догадались про меня... и даже встрѣтивъ меня здѣсь ночью... что-жъ, вы думали, что я стану даромъ простуживаться изъ-за соловьиного пѣнья?!

— Берите все! — едва выговорила Настасія Ивановна. — Берите все... только не убивайте насъ...

— У меня въ карманѣ пистолеты, — отвѣчалъ Рачинскій, — но я пушу ихъ въ дѣло

только въ крайнемъ случаѣ... теперь же мнѣ нужно упрятать васъ въ безопасное мѣсто... я васъ запру въ свою комнату...

— Въ вашу комнату!.. ради Бога!.. что скажутъ!..

Но жестокой бандитъ ее не слушалъ: онъ рѣшительно впихнулъ ее за дверь и заперъ на ключъ.

— Если вы крикните или попробуете стучаться, — страшными голосомъ проговорилъ онъ, — я сейчасъ же въ васъ выстрѣлю.

И онъ вышелъ въ садъ.

V.

Настасія Ивановна прислушалась — все тихо. Ея зубы стучали какъ въ лихорадкѣ, и она была совершенно увѣрена, что ея волосы разомъ посѣдѣли отъ ужаса. Но что же ей дѣлать? Она никакъ не могла рѣшить этого вопроса и вдругъ, совершенно даже неожиданно для себя самой, заорала благимъ матомъ, какъ будто ее рѣзали на части...

Анна Павловна въ пеньюарѣ и со свѣчей показала на по рогѣ гостиной.

— Рѣжутъ, грабятъ, помогите! — вопила Настасія Ивановна.

Анна Павловна ничего не понимала и съ невольнымъ трепетомъ подошла къ двери.

— Что такое? зачѣмъ вы здѣсь? что съ вами? — спрашивали она.

— Мы пропали: у насъ въ домѣ шайка мошенниковъ! — простонала компаньонка.

— Вы съ ума сошли кажется!.. гдѣ же Рачинскій?

— Я заперта на ключъ... отворите двери...

Анна Павловна попробовала дверь — точно: заперта:— но ключъ здѣсь. Она отворила.

Настасія Ивановна блѣдная, съ выкатившимися глазами рассказала ей все, что случилось и, несмотря на свой страхъ, все же многое отъ себя прибавила.

— Я ничего не понимаю, — повторяла испуганно Анна Павловна

— А я же вамъ говорила, я вамъ говорила, что наружность обманчива. Вотъ вамъ Рачинскій... а еще увѣряли, что хорошо его знаете.

— Но что же теперь дѣлать.

Настасія Ивановна, сначала нѣсколько успокоенная появленіемъ Анны Павловны, при этомъ вопросѣ снова представила себѣ весь ужасъ ихъ положенія и съ дикимъ крикомъ кинулась на балконъ.

— Куда вы? куда вы?

Но она ничего не слышала, она себя не помня побѣжала въ садъ, перелѣзла черезъ изгородь и пустилась къ станціи.

Анна Павловна въ недоумѣніи осталась на балконѣ.

«Но вѣдь этого быть не можетъ, — думала она, — да гдѣ же Рачинскій, онъ объяснилъ бы по крайней мѣрѣ»... Рачинскій стоялъ пе-

редь нею, а она чувствовала какъ дрожить и теряется...

— Объясните, ради Бога, что все это значить? — выговорила она наконецъ.

— Сударыня, — началъ Рачинскій отчаяннымъ голосомъ, — я пережилъ бурную молодость... роковая страсть къ картамъ меня разорила... Я потерялъ все... Я былъ неспособенъ къ тяжелому труду и сталъ искать средствъ для легкой наживы... я заглушилъ въ себѣ совѣсть... Остальное вамъ извѣстно...

— Оставьте эти глупыя шутки! — не зная куда дѣваться прошептала Анна Павловна.

— Шутки! — продолжалъ Рачинскій тѣмъ же тономъ. — О! если бы это была шутка! Часто по ночамъ мнѣ грезятся дни моего счастливаго дѣтства; дни моей невинности — и я вскакиваю, покрытый холоднымъ потомъ, и рву себѣ волосы въ безсильномъ отчаяніи... Но каковы бы ни были мои заблужденія, въ одномъ чиста моя совѣсть — я еще не пролилъ человѣческой крови!

Онъ игралъ свою роль съ такимъ искусствомъ, что бѣдная Анна Павловна начинала дрожать все больше и больше.

— Зачѣмъ же вы сегодня не вспомнили о дняхъ вашей невинности? — проговорила она.

Рачинскій не выдержалъ и расхохотался.

— Нѣтъ, вы слишкомъ боитесь, — сказалъ онъ, — и продолжать съ моей стороны было бы безбожно. Пожалуйста простите меня. Еще минута — и вы навѣрное стали бы меня усовѣщевать и уговаривать переменить образъ жизни, раскаяться, но вѣдь мнѣ нужно было только по квитаться съ вами... Комедія за комедію...

— За какую комедію? — спросила Анна Павловна, переводя духъ и отъ радости даже не сердясь на Рачинскаго.

— Да развѣ не было у васъ заговора, чтобы заставить меня переночевать здѣсь... ваша Настасія Ивановна мнѣ во всемъ призналась.

— Ну вотъ — теперь мнѣ приходится просить у васъ прощенія...

— Мы уже по квитались.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте лучше въ гостиную здѣсь очень сыро.

VI.

Они зажгли свѣчи и заперли дверь на балконъ.

— Боже мой! да вѣдь не все еще конечно! — вдругъ съ ужасомъ вспомнила хозяйка. — А Настасія Ивановна! — вѣдь она побѣжала звать на помощь! Она притащитъ съ собою цѣлую станцію...

— Однако эта почтенная дѣвица выказываетъ необыкновенную храбрость, — замѣтилъ Рачннскій. — Помилуйте, я обѣщаль всадить ей пулю въ лобъ, если она пикнетъ, а она побѣжала одна на станцію...

— Но подумайте только, какія сплетни начнутся... придутъ сюда, увидятъ насъ вдвоемъ, ночью... да вѣдь завтра же про меня всѣ сосѣди Богъ знаетъ что говорить стануть...

— Да, я объ этомъ не подумалъ... а впрочемъ что же про меня сказать могутъ — я только исправляющій должность вашего сторожа и ничего болѣе...

— Перестаньте шутить — мнѣ не до шутокъ. Вы поставили меня въ такое затрудненіе — такъ вы же меня должны и вы-

ручить.

— Позвольте мнѣ не совсѣмъ согласиться съ вами, Анна Павловна, если я здѣсь, то никакъ не по своей винѣ — я только жертва заговора.

— Ну же, ну, придумайте что-нибудь скорѣе! — топнула ножкой Анна Павловна.

— У меня давно уже кое что придумано.

— Что такое? говорите!

— Нѣтъ, теперь не скажу; я боюсь, что вы не одобрите моего плана... И его выскажу только въ самомъ крайнемъ случаѣ...

— Ну, такъ я придумала... и все очень просто. Слушайте, вы будете продолжать разыгрывать вашу роль грабителя.

— Прекрасно... а дальше что же?

— Вы не понимаете?

— Не совсѣмъ.

— Люди, которыхъ Настасія Ивановна при- тащитъ съ собою васъ уведутъ... и...

— Какъ вора?

— Такъ что же... вѣдь иначе невозможно...

— Согласитесь, однако, Анна Павловна, что я сегодня въ первый только разъ сыгралъ эту роль — да и то въ качествѣ любителя. Что же

это такое? вы желаете моей гибели... да вѣдь кончится тѣмъ, что я самъ, по примѣру вашей компаньонки, побѣгу звать къ себѣ на помощь.

— Господи! что же мнѣ дѣлать? — печально прошептала Анна Павловна. — Послушайте, пожалуйста согласитесь... вѣдь лишь бы только увели васъ отсюда, а потомъ вамъ легко будетъ объявить все, и васъ сейчасъ же выпустятъ вы только прогуляетесь о станціи.

— Хороша прогулка! — съ жандармомъ!

— Но вѣдь вы этимъ меня спасете!

— Въ такомъ случаѣ дѣлать нечего — я согласенъ.

— Ахъ какъ я вамъ благодарна!.. Что же это вы такое дѣлаете?..

— Я убираю ваши подсвѣчники, чтобы меня поймали съ поличнымъ...

— Боже мой! вы доведете меня до отчаянья!.. Вотъ они сейчасъ явятся, а вы только смѣетесь!

— Такъ вы желаете говорить серьезно, Анна Павловна? — съ нѣкоторымъ волненіемъ спросилъ Рачинскій.

— Конечно.

— И вы не нашли другого средства, какъ выдать меня жандармамъ за вора?

— Да нѣтъ-же!

— Ну, такъ мнѣ остается только передать вамъ свой планъ... То, что я выдумалъ — тоже очень просто и даже проще придуманнаго вами. Для вашей репутаціи вовсе не нужно, чтобы меня приняли за похитителя вашихъ вещей и серебра... Я могу быть у васъ въ домѣ совсѣмъ по другой причинѣ...

— По какой же? — какъ-то робко смотря на него, спросила Анна Павловна.

— Вы меня знаете — я человекъ свободный и обеспеченный... и я люблю васъ... Въдн ничего дурного про васъ не могли бы сказать, если бы вмѣсто вора здѣсь нашли вашего жениха...

— Я рѣшилась никогда не выходить замужъ, — прошептала Анна Павловна, опуская глазки.

VI.

Вдругъ раздался страшный стукъ въ ворота. Это явилась Натасія Ивановна со всѣми людьми, какихъ она только могла добудиться на станціи, и нѣсколькими мужиками.

Вся эта ватага лѣзла прямо въ гостиную.

— Гдѣ же воры? — спросило разомъ нѣсколько голосовъ.

— Какіе воры? что все это значитъ? — обратился къ нимъ Рачинскій, выходя на балконъ вмѣстѣ съ Анной Павловной.

— Да вѣдь вотъ эта барыня подняла всѣхъ насъ на ноги... вишь на дачу сюда цѣлая шайка воровъ забралась...

— Что жъ это вы съума сошли?! — громко сказала Анна Павловна компаньонкѣ.

Та только развела руками и глядѣла на всѣхъ, вытаращивъ глаза и ничего не понимая.

— Ей пригрезилось, — замѣтилъ Рачинскій. — Съ ней это часто бываетъ. Вѣдь вы такъ скоро пожалуй и меня, жениха Анны Павловны, сочтете за вора, Натасія Ивановна.

Настасія Ивановна разинула ротъ, да такъ и осталась, но будучи въ силахъ ничего выговорить.

Кругомъ раздался смѣхъ. Два-три челоѡка стали браниться...

— Ишь, полоумная! Зря переполоху-то сколько надѣлала!.. Только добрыхъ людей смущаетъ...

И всѣ побрели во свояси.

Настасія Ивановна все сидѣла съ разинутымъ ртомъ и не говорила ни слова. Вдругъ она вскочила и остановилась передъ Анной Павловной въ трагической позѣ.

— Что же это — дура я вамъ что ли досталась? — задыхаясь проговорила она. — Я во многихъ домахъ жила, Анна Павловна, и, меня вездѣ уважали... Я не стерплю такой обиды... Завтра же прошу меня разсчитать... я не одного дня больше у васъ не останусь...

И она, не желая слушать никакихъ объясненій и оправданій, горделиво ушла въ свою комнату и даже хлопнула дверью.

Впрочемъ, на другой день ее удалось успокоить, а черезъ мѣсяцъ она хлопотала и суетилась на свадьбѣ Анны Павловны и Рачин-

скаго.

И это была самая милая, самая веселая свадьба, какую только можно себѣ представить.

1917